

**Koliieva Iryna**, Dnipropetrovsk National University  
of Railway Transport named after Academician V. Lazaryan,  
Candidate of Philosophical Sciences, Philology and Translation Department,

**Vlasova Tatyana**, Dnipropetrovsk National University  
of Railway Transport named after Academician V. Lazaryan,  
Professor, Doctor of Philosophical Sciences,  
Philology and Translation Department

### ***Postmodernization of Gender Narratives in the Discourse Scenarios of the Western Literature («In One Person» by John Irving)***

**Abstract:** The article represents an analysis of the gender narratives in the discourses of the postmodern literature with the focus on the gender criticism of John Irving's novel «In One Person».

**Keywords:** postmodernism, gender, narrative, sexuality, femininity, masculinity, queer-discourse.

**Колиева Ирина**, Днепропетровский национальный университет  
железнодорожного транспорта имени акад. В. Лазаряна,  
кандидат философских наук, кафедра филологии и перевода,  
**Власова Татьяна**, Днепропетровский национальный университет  
железнодорожного транспорта  
имени акад. В. Лазаряна,  
профессор, доктор философских наук, кафедра филологии и перевода

### ***Постмодернизация гендерных нарративов в дискурсивных сценариях западной литературы («В одном лице» Дж. Ирвинга)***

**Аннотация:** Анализ гендерных нарративов в дискурсивном поле литературы постмодерна представлен в критической перспективе гендерного прочтения романа Джона Ирвинга «В одном лице».

**Ключевые слова:** постмодернизм, гендер, нарратив, сексуальность, фемининность, маскулинность, квир-дискурс.

Сегодня, как и сорок лет назад в начале третьей волны феминизма, по-прежнему ощущается внутреннее сопротивление и научных кругов, и средств массовой информации серьезному разговору на темы, которые обсуждались и обсуждаются в гендерных исследованиях. Академическая наука воспроизводит патриархатные гендерные идеологии, проверенные традициями и поддерживаемые ими, в лучшем случае – в новой «упаковке» глобализации, консьюмеризма и гипермодернизма. Ту особую роль в воспроизводстве патриархатных гендерных режимов, которую играют журналисты, телеведущие, кинопродюсеры и т.д., не следует преуменьшать: именно их представления, установки и вкусы определяют эмоциональное, информационное и мировоззренческое воздействие СМИ на аудиторию.

Необходимо признать: те представления, которые репрезентируются в текстах гендерных научных работ и находятся вне сферы повседневных гендерных идеологий, воспринимаются как вызов и чаще всего подвергаются резкой критике. Однако они безусловно воздействуют на периферийные представления, усиливая внутреннюю противоречивость гендерных идеологий. Поскольку в реальности постмодерна границы женского и мужского миров становятся все более гибкими и проницаемыми, данные противоречия, как представляется, будут нарастать. Это означает, что феминистские подходы и в художественной литературе, и в академическом дискурсе не только не утратили свою значимость, но приобрели новое значение в создании гендерного дискурса для широкой общественной дискуссии.

Внимание к гендерным нарративам в современной теории отнюдь не случайно. В постмодерном обществе, например, проблема трансформации идентичности (личностной, социальной, сексуальной и т.д.) становится актуальной в связи с тем, что общественные кризисы все более отчетливо детерминируют личностные кризисы. В целом, гендерная идентификация претерпевает значительные изменения в период перехода от современного к постсовременному обществу. Как представляется, важным признаком угрозы стабильной гендерной идентичности явились работы ученых, исследующих

транссексуальность, например, Дж. Моуни, сформулировавшего утверждение, согласно которому биологических признаков, как правило, недостаточно для определения индивидуального гендера [3].

Многое из того, что называется гетеросексуальностью, по сути, имеет лишь косвенное отношение к нормативному пути желаний и сексуальной практики, уверены ученые. В действительности в «стержне» сексуальности очень мало «нормального»; «нормальное» – это просто имя, которое мы даем тем вычищенным версиям секса, которые мы хотим одобрить и утвердить во имя социальной стабильности и морального порядка [4, с. 74]. В социокультурной действительности последнее находит отражение в том факте, что не только категории фемининного и маскулинного подверглись ревизии, но и такие институты, как брак, зашатались, потеряв свою устойчивость. Бесспорно, в академическом мире постмодерна ученые объясняют это тем, что «мужчина» и «женщина», так же как и «маскулинность» и «фемининность», – это культурально конструируемые категории, и, следовательно, нет эссенциального набора характерных черт, особенностей желаний или склонностей, определяющих мужчин в оппозиции к женщинам и наоборот [5]. И хотя исследователи отмечают явное нарастание количества лиц с признаками гомосексуализма, они, как правило, не приводят конкретных объяснений данного феномена, ограничиваясь его констатацией в рамках изменяющейся культуры. И здесь необходимо отметить: именно Дж. Батлер принадлежит заслуга особого вклада в развитие «квир»-теории как теории идентичности субъектов негетеросексуальной ориентации. Рассматривая традиционную гендерную идентичность, Дж. Батлер понимает ее как производную от эффектов власти – сил подавления и сопротивления, их стабильности и вариативности. Поэтому «квир»-дискурс, по ее мнению, функционирует в современной культуре отнюдь не в качестве романтизированного дискурса, но в качестве практики, чьей целью является «устыжение» субъекта через его наименование, то есть производство субъекта посредством практики стыда. Соответственно, «квир»-сексуальность также производится властью, но не через дискурс «нормы», а через дискурс «стыда», который Батлер обозначает как «гомофобный» [6].

Бесспорно, категории женского и мужского в настоящее время представляют собой сложные феномены, которые требуют более детального

изучения. В этой связи несомненно важным будет обращение к художественным произведениям, к тем, которые уже стали классикой, и к тем, которые вышли в последнее время. Знаковым в раскрытии темы сексуальной идентичности является роман американского писателя Джона Ирвинга «В одном лице» [8], в котором темы отклонения от нормы, борьбы с собственной идентичностью, поиска самого себя, столкновения с нетерпимостью к «Другому» проходят красной нитью. В самом названии романа содержится намек на неоднозначность решения проблемы сексуальной идентичности, на многоплановость и многогранность самого понятия идентичности человека. Следует отметить, что тема сексуальности человека интересовала еще У. Шекспира, цитатами из пьес которого изобилует роман Ирвинга. Герои романа ставят пьесы Шекспира в местном театре, в полной мере демонстрируя независимость категории гендера от пола и утверждая: понятия «женщина» и «женственность» могут в равной степени применяться как к мужскому, так и к женскому телу. Обращаясь к интертекстуальности, ярко выраженной в романе посредством темы театра, хотелось бы вспомнить слова М. Фуко: «Границы книги никогда не бывают четко очерчены: за рамками названия, первых строчек и последней точки... она заключена в систему ссылок на другие книги, другие тексты, другие предложения: она узел в сети и в сетке» [9].

Возвращаясь к книге, следует отметить: процесс становления сексуальной идентичности главного героя неразрывно связан с процессом становления его как писателя. Автор представляет на суд читателя некий сплав метаний главного героя, книжных реминисценций и театральных постановок. Главный герой романа Уильям, осознав свою бисексуальную сущность, пытается смириться с ней, мучительно ища одобрения у других, стремясь подтвердить свое право на существование в «таком виде». Акцент главного героя на своей бисексуальности говорит о неопределенности понимания своей идентичности, об оставлении за собой права выбора пути для отступления, но в результате приводит к отчуждению от всех и становится причиной недоверия и с той, и с другой стороны. Складывается впечатление, что Дж. Ирвинг, подняв проблему идентичности бисексуалов, не знает, как же ее решить, поскольку она не укладывается в общепринятые рамки, для нее нет еще ни места, ни понятийного аппарата. Выступая в начале книги в роли бесполого духа Ариэля

из пьесы Шекспира «Буря», Уильям к концу романа предстает перед нами в качестве умудренного опытом писателя, который ставит «Ромео и Джульетту», вполне гетеросексуальную пьесу (если не принимать во внимание тот факт, что во времена Шекспира роль Джульетты всегда исполнялась молодыми мужчинами).

Важно отметить и тему переодевания в романе как один из способов репрезентации своей сексуальной идентичности. Дед Уильяма, Генри Маршалл, владелец местной лесопилки, переодевается в женское платье и блестяще исполняет женские роли в местном театре; биологический отец Уильяма имеет оглушительный успех в Испании, выступая в женской роли в небольшом клубе, и т.д.

Несомненно, ключевым моментом романа выступает требование терпимости и принятия всех людей, независимо от их сексуальной ориентации и гендерной идентичности, отсутствие каких-либо ярлыков и подчеркивание всей многоплановости и сложности человеческой субъективности. Уильям в конце своего пути возвращается в родную школу, чтобы поддержать молодых людей в школьном городке (так называемую «ЛГБТС группу», в которую входят представители разных секс-меньшинств), но проблема заключается уже не в том, чтобы признать людей с иной сексуальной идентичностью, проблема состоит в том, чтобы относиться к ним не как к «Другому» или «Чужому», изменив при этом чувства жалости и стыда на уважение и любовь.

Темы желания и репрезентации фемининности в романе неразрывно связаны. Самообман героев по поводу своей сексуальности приводит к фатальным последствиям. Друг Уильяма Том Этткинс, скрывая свою сексуальность, инфицирует свою жену ВИЧ и разрушает жизни своих детей. Самый беспокойный и злобный персонаж в романе, Жак Киттеридж, используя свою гетеросексуальность в качестве прикрытия и своего рода оружия, соблазняет подругу главного героя, Эллейн, что приводит к нежелательной беременности, аборту и последующему стойкому нежеланию иметь детей. Спустя годы Киттеридж раскрывает свою гомосексуальную природу и подвергается операции по смене пола, однако умирает от неизвестных «естественных причин». Автор подводит нас к тому, что антонимом «правильного» не является «неправильное», антонимом «правильного»

является отсутствие правды и ложь, ложь о себе самом, ложь о своей субъективности.

Показательным является изображение женских персонажей. Все так называемые биологические женщины вызывают некое неприятие и даже отвращение. Эллейн – слишком податливая и послушная, тетка и мать Уильяма – нетерпимые истерички, кузина Билли Джерри – грубая лесбиянка, мать Киттериджа – растлительница малолетних. В конечном счете, лучшими женщинами в романе оказываются мужчины, а, например, транссексуалка мисс Фрост, которая является неким моральным стержнем романа. В мире, где почти все скрывают свои сексуальные странности, она остается уверенной и верной своим принципам. Более того, она/он – некий идеальный образ, будучи не просто предметом «любви на всю жизнь», но стопроцентно заслуживая эту любовь.

«В одном лице» – это роман не только становления личности, – и, что очень важно – бисексуальной личности, – это история «великой любви», которая – увы! – не смогла победить «время и пространство, жизненные невзгоды и несовершенство человеческой души». Альберта-Альберт (мисс Фрост) отвергает юношескую любовь главного героя и нарратора романа, пытаясь оградить его от «смертоносного» лицемерия окружающего общества. Мисс Фрост, действительно, описана с любовью, ее/его транссексуальность, возможно, не достойна восхищения (было ли это интенцией автора?), но, бесспорно, не вызывает презрения. Сам же главный герой, бисексуал («в одном лице»), – образ более сложный; бисексуальная страсть (со множеством объектов) как смысл жизни – достаточно дискуссионная тема. Но стремление автора «вливать гуманизм» в трактовку «отчужденного Другого», сила и страстность чувства, его несомненная отвага, на наш взгляд, бесспорно, достойны признания.

Возвращаясь к более широкому дискурсу постмодернизации пола и гендера, необходимо заметить: изменения, подвергшие эрозии то, что еще недавно казалось бесспорным в сексуальности индивида, это не просто изменения в мышлении человека, но отражение изменений в качестве и дистрибуции сексуального опыта текущего момента. Р. Барт пишет: «Противопоставление полов не должно быть законом природы. Следовательно,

конфронтации и парадигмы должны постепенно исчезнуть... и пол не будет поддаваться типологии. Будут, например, только «гомосексуальности», множественное число которых будет ставить в тупик любой конституированный, центрированный дискурс» [7].

Феминистские мыслители в самой формулировке проблем, как правило, предлагают новые способы понимания и познания людей как таковых, предлагают переоценку ценностей, переосмысление того, что является по-человечески превосходным и достойным похвалы. В потоке трансформаций постмодерная гендерная теория должна научить нас – и мужчин, и женщин – терпеливо интерпретировать амбивалентность, двусмысленность, множественность и вдумчиво разоблачать стремление к навязыванию определенного порядка, определенных гендерных схем, моделей и идентичностей.

#### **Список литературы:**

1. Simon W. Postmodern Sexualities. – London and New York: Routledge, 1997. – 179 p.
2. Money J. The Conceptual Neutering of Gender and The Criminalization of Sex // Archive of Sexual Behaviour. – № 14, 1985. – P. 3.
3. Fast G. Development in Gender Identity // Gender and Envy. – New York: Routledge, 1998. – P. 159-169.
4. Halberstam J. J. Gaga Feminism. Sex, Gender, and the End of Normal. – Boston: Beacon Press, 2013. – 184 p.
5. Власова Т. И., Скиба Э. К. Гендер и феминистская теория в философии постмодерна. – Дн-вск, Изд-во Маковецкий, 2011. – 124 с.
6. Butler J. Bodies That Matter. On the Discursive Limits of «Sex».
  - a. New York: Routledge, 1993. – 288 p.
7. Barthes R. Roland Barthes. – New York: Hill and Wang, 1977. – P. 69.
8. Irving J. In One Person. – Transworld Publishers, 2012. – 622 p.
9. Hutcheon L. A Poetics of Postmodernism. History, Theory, Fiction. – New York and London: Routledge, 2002. – 268 p.